

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Воюющие псы одиночества / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. — (А.Маринина. Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-699-90049-7

Преступление — зеркало, в котором отражается преступник. Анастасия Каменская твердо уверена в этом. Если взглядеться в детали и обстоятельства преступления, то можно уверенно говорить о том, что за человек преступник. Восемь убийств юношей и девушек, совершенных в разное время и в разных местах, — часть одного плана. В этом Каменская тоже не сомневается. Она установила, что объединяет этих непохожих друг на друга молодых людей. Теперь осталось найти того, в чьей голове созрел этот чудовишный план. Но для этого надо подумать о причинах, заставляющих преступать закон. Ведь на самом деле их не так уж и много: месть, зависть, алчность... Или одиночество, мучительное испытание, выпадающее на долю человека, когда кажется: единственное спасение — это обречь другого на те же мучения, что выпали тебе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-90049-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ 1

В Москве расположено несколько учебных заведений МВД России. Академия, описанная в этой книге, является собирательным образом, и все совпадения совершенно случайны.

Глава 1

Господи, если бы знать, что на самом деле это так страшно, так невозможно страшно... Или не Господи, а дьявол? Или кто там еще искушает нас, обещая, что один раз будет очень тяжело, зато потом все наладится, и в следующий раз уже не так страшно, а потом легче, и легче, и легче... А главное — после этого первого раза сразу же все встанет на свои места, тяжесть упадет с плеч, и ты поймешь, что все было не зря, не напрасно. В первый раз так и случилось, тяжесть упала, и стало легко дышать, и можно было снова поднять голову и жить дальше, и казалось, что второй раз будет легче. Но во второй раз все равно страшно.

А в третий?

— Со мной никто еще так не разговаривал...

Эти последние слова все еще звучат в ушах, и этот последний взгляд, доверчивый, восхищенный, все еще прожигает мне щеку, хотя сами глаза уже мертвы, и голос, теплый и чуть удивленный, никогда больше не вырвется из этой гортани, заключенной в нежную оболочку белой кожи, покрывающей шею. И уже другой голос, властный, пугающий, набирает силу в воспаленном мозгу,

напоминая: мне все равно, как ты убьешь, но на теле должна остаться метка — розовый шелковый бантик, приколотый к волосам.

Бантик лежит в кармане, приготовлен заранее. От ужаса происходящего пальцы внезапно обретают какую-то сверхчувствительность, и шелковая ткань кажется на ощупь шершавой и жесткой, как наждачная бумага. Мелькает несуразная мысль о том, что продавщица в галантерейном отделе универмага обманула и подсунула вместо шелковой ленты дешевую синтетику. Надо перестать думать и довести дело до конца.

Приколоть бантик к волосам. Достать заколку-невидимку, которая никак не выковыривается из карманного шва. Нагнуться. Дотронуться до пряди волос. Мертвая прядь. Мертвых волос. На мертвой голове мертвого человека. Зажмуриться, ничего не видеть, потом открыть глаза и убедиться, что это только сон...

* * *

А вода в ванной все шумела и шумела. Георгий недовольно поморщился, переменял позу, высвобождая затекшую ногу, огляделся в поисках телевизионного пульта. Вечно она засовывает его в самые неожиданные места и потом подолгу ищет, разбрасывая все, что попадает на пути. Зачем он тут сидит? Чего дожидается? Сейчас она выйдет из ванной и... Что? Кинется к нему в объятия? А потом, удовлетворенная и притихшая, снисходительно спросит, какой подарок он хотел бы получить к Пасхе? Ничего этого не будет, потому что

сегодня она не в настроении. Сегодня она опять... Появилась среди ночи, взбудораженная, нервная, бросила, выходя из машины, косой взгляд на Георгия, терпеливо сидевшего возле ее дома на скамейке.

— Зачем ты здесь? — спросила сквозь зубы, полюбовернувшись через плечо. — Я тебя не звала.

— Мы давно не виделись, — виновато пробормотал он.

— Ну и что? Это дает тебе право меня караулить? Ты должен приходить только тогда, когда я тебе звоню и мы договариваемся. Сколько раз нужно повторять, чтобы ты наконец запомнил?

— Я могу войти? — покорно вздохнул он.

В тот момент он еще надеялся, что она просто задержалась в гостях, ездила куда-то далеко, потому и вернулась поздно. Войдя следом за ней в квартиру, заметил при ярком свете запавшие страшные глаза, обведенные серыми полукружьями, и понял, что все повторяется. Ярко-алые узкие брючки в точности совпадали по цвету с губной помадой и мягкой кожей, из которой сделана изящная сумочка, все остальное в ее облике было черным вплоть до лака на ногтях и украшений с ониксами. И такими же черными и жуткими были ее глаза. Ведьма, прилетевшая с шабаша. Единственной вещью, выпадавшей из образа, был пакет, обычный пакет из супермаркета, в таких покупки носят.

Она бросила пакет прямо у двери, словно тут же забыв о нем, и молча ушла в ванную. Георгий знал, что теперь она будет долго стоять под душем, словно не моется, а отмывается от чего-то липкого

и мерзкого, потом нальет воду в ванну, бросит ароматические и расслабляющие соли и будет лежать не меньше получаса, потом выйдет, обернутая большим полотенцем, пройдет, не говоря ни слова, в спальню и закроет за собой дверь. Она не будет спать, нет, просто полежит минут тридцать-сорок. Потом выйдет и спокойно и твердо потребует, чтобы он ушел. Никакой близости, никаких ласк, никаких разговоров. Он покорно уйдет и станет ждать ее звонка, но позвонит она не раньше чем через две недели. Так уже было раньше несколько раз. Она ничего не объясняет и ни за что не просит прощения, она просто делает так, как считает нужным и как ей удобно, а он терпит, потому что у нее есть деньги. А у него их нет.

Зачем он тут сидит? Чего ждет? Очередной подачки в виде модной куртки или стильных часов? Честно говоря, было бы очень кстати, но сегодня, совершенно очевидно, не обломится ему. Ждать придется как минимум две недели, а ведь уже тепло и носить зимнюю куртку как-то не по сезону. А если не ждать? Если попробовать не пойти у нее на поводу? Ну что она сделает? Убьет его? Кишка тонка. Выгонит? Так она и без того его выгонит, только не сразу, а когда выйдет из спальни. Чем он рискует?

Ноги снова затекли, Георгий поднялся, немного походил по комнате, чтобы размяться, дошел до окна, выглянул на улицу, сделал несколько шагов к входной двери и споткнулся о брошенный пакет. С досадой пнул его ногой и наклонился, чтобы поднять. Из пакета выпала черная вельветовая куртка. И что-то непонятное, лохматое. Парик?

Да, парик. Длинные каштановые кудри, слегка отливающие медью. Странно... Зачем ей парик? Со всем недавно она постриглась. Зачем было стричься, если ей нравятся длинные волосы? Оставила бы как есть. Чепуха какая-то. Вечно она пытается сделать себя получше, попривлекательнее, то с прическами мудрит, то с макияжем, то с одеждой, хочет выглядеть моложе и сексуальнее. А зачем? Кому она нужна-то, кроме него, Георгия? Кто на нее позарится?

Хотя... ведь ездила же она куда-то. Для кого-то надевала и парик этот патлатый, и молодежного покроя куртку. Неужели нашелся любитель несвежего тела? И ведь это уже не в первый раз.

Он еще раз с силой ударил по вывалившемуся из пакета содержимому, парик взмахнул крыльями-локонами, отлетел и приземлился на пороге комнаты, а куртка испуганно забилась в угол.

Решительно рванув ручку двери, Георгий вошел в ванную. Что ни говори, а выглядит она очень даже прилично для своих лет, подумал он, имея в виду, конечно же, не ванную комнату, а находившуюся в ней женщину.

— Где ты была? — громко спросил он, стараясь при помощи децибел придать себе храбрости. — Мне надоели твои постоянные отлучки.

— Ничем не могу помочь, — равнодушно бросила она. — Если что-то надоело тебе, то это проблема твоя, а не моя.

— Так все-таки, где ты была?

— Там же, где всегда.

— Где это? — Он немного растерялся, не ожидая такого ответа.

— Это не твое дело. Ты проводишь со мной несколько часов в неделю, все остальное время я живу своей жизнью, о которой я тебе не обязана рассказывать. Выйди, пожалуйста, и не мешай мне.

— У тебя кто-то появился?

— Это не твое дело. Мы с тобой не живем вместе, ты всего лишь приходящий любовник и моим временем не распоряжаешься. Я бываю там, где хочу, и тогда, когда хочу. И, если уж на то пошло, с тем, с кем хочу. Не понимаю, что тебя не устраивает.

Она даже не повернула голову, так и лежала, вытянувшись в ванне и подняв лицо, будто разглядывая что-то на потолке.

— Я понял. — Георгий сделал над собой усилие, чтобы не ответить грубостью, за которую ему пришлось бы потом дорого заплатить. — Я не прошу, чтобы ты передо мной отчитывалась...

— Было бы странно, — презрительно фыркнула она.

— Но я могу спросить хотя бы просто из любопытства? Мы все-таки не чужие с тобой, правда? Ты приходишь в два часа ночи, напряженная, взбудораженная, сама на себя не похожая, со мной не разговариваешь, даже видеть меня не хочешь. Так было и в прошлый раз, месяц назад, я помню. И в декабре, перед Новым годом. И осенью было. Я ничего не требую, я просто хочу знать, откуда ты возвращаешься в таком... непонятном состоянии.

Она соизволила повернуть голову, подняла над розовой от ароматических кристаллов водой одну руку, пошевелила пальцами в воздухе, рассматривая маникюр. Потом проделала ту же манипуля-

цию с другой рукой. Ногти были длинными, покрытыми черным и красным лаком: на черном поле красная полоска по диагонали. «Ей не идет, — подумал Георгий. — Молодым девчонкам черный цвет придает сексуальность, а ее он уже старит. Неужели сама не видит?»

— Я бываю там, где получаю удовольствие, — негромко ответила она, снова уставившись в потолок. — Более того, я получаю наслаждение, такое наслаждение, какое тебе и не снилось. Самое острое и самое глубокое наслаждение, какое только можно вообразить.

— Ты что, не понимаешь, что в твоём возрасте это очень опасно?! — взорвался Георгий. — Тебе уже не семнадцать лет!

— Ты о чем? — Она слегка удивилась, но, однако, не настолько, чтобы все-таки посмотреть на него.

— Ты ведь наркотики употребляешь, да? Я угадал? Что ты делаешь? Нюхаешь кокаин? Или колесами заправляешься? Или уже колешься? У тебя что, совсем мозги отшибло, не соображаешь ничего, да? Забыла, сколько тебе лет?

Он еще успел проорать несколько столь же гневных слов, когда вдруг понял, что она его не слушает. Она хохочет. Громко, немного истерично, даже как-то надрывно. Теперь она сидела в ванне, полуобернувшись к нему, положив руки на бортик и уткнувшись в них лицом. Внезапно смех оборвался. Она подняла голову и посмотрела на Георгия так, что ему стало не по себе. Глаза ее были еще более страшными, а лицо еще более бледным, чем полчаса назад, когда она пришла.

— Я все помню, мальчик, — медленно произнесла она. — И про свой возраст, и про твой, и про свои деньги, и про твои. В твоей убогой головенке живет скудный набор представлений, которыми ты и руководишься в своей скудной жизни массажиста. Ты думаешь, что единственный источник настоящего наслаждения это наркотики? Мне жаль тебя, мальчик. Ты не знаешь и никогда не узнаешь истинных глубин наслаждения и восторга, потому что они недоступны твоей скудной, убогой душонке.

Она сделала короткую паузу и вдруг завопила:

— Убирайся! Вон отсюда! И не смей за мной следить и задавать мне вопросы!

Георгий испуганно шарахнулся к двери, он не ожидал такого перепада громкости. А она продолжала спокойно и холодно:

— Иди домой. Придешь, когда я разрешу. Будешь хорошо себя вести, подарю тебе что-нибудь... Какой у нас там ближайший праздник? Пасха, что ли? Вот на Пасху и подарю, если будешь умником. Пошел вон отсюда.

«Старая шлюха, — злобно твердил про себя Георгий, натягивая куртку и захлопывая за собой дверь. — Сволочь! Истеричка! Хамло! Почему она смеет так со мной разговаривать? И главное — почему я ей это позволяю? Почему она не боится, что я ее брошу? Откуда у нее такая уверенность, что на мое освободившееся место тут же выстроится очередь из претендентов? Смотреть не на что, а туда же... Или у нее денег больше, чем я думаю? Гораздо, гораздо больше, просто она не хочет это афишировать, потому и квартирка у нее самая обык-

новенная, и машинка у нее скромненькая, и не швыряет она купюры направо и налево, а бережет, копит. Много у нее денег, ох, много, и она твердо знает, что на эти деньги она сможет купить себе любого мужика, который понравится. Но если это так, если так, то... Надо все обдумать. Если она действительно не просто состоятельная стареющая дама, а очень и очень богатая дама, то это мой шанс, который я могу использовать на все сто, а могу бездарно профукать. Лучше, конечно, первое, чем второе».

* * *

Она любила ночной город. Так было не всегда, росла она правильной городской девочкой, которую родители оберегали и запрещали возвращаться домой за полночь. Любовь к ночному городу возникла во время первой длительной заграничной командировки, когда ей пришлось три года прожить с мужем в Индии. Днем в многолюдном и наполненном звуками и запахами Дели она задыхалась и глохла, и только ночь приносила некоторое облегчение. Тогда она и привыкла строить свою жизнь так, чтобы днем спать, а ночью работать. Посольской переводчице, разумеется, никто такой вольности не давал, но все равно она как-то устраивалась, стараясь дремать в любую, не заполненную работой минуту, набираясь сил к наступлению вечера и лишь часов в одиннадцать начиная дышать полной грудью. В пять утра, когда город просыпался, принимаясь источать жару, звуки и запахи, она засыпала и крепко спала до девяти. Этого ей

хватало, чтобы продержаться рабочий день, не делая заметных ошибок и не допуская грубых промахов.

По возвращении домой она научилась любить ночную Москву, а во время второй командировки — на этот раз со вторым мужем, во Францию — прониклась прелестью ночного Парижа.

Она давно научилась мало спать, и даже теперь, когда не было возможности поменять местами день и ночь, ложилась поздно, часа в три.

«Нет, я не Элеонора, — привычно подумала она, воспользовавшись паузой в движении, чтобы посмотреть на себя в зеркало. — И не Нора. И не Элла. Я — Аля, простая Аля. Эллой я была много лет назад, когда щеки были тугими, а глазки — ясными и радостными. Потом, спустя лет десять, я вполне годилась для Норы, элегантно одетая, вся в заграничных шмотках на зависть приятельницам, пахнувшая изысканным парфюмом. А теперь я — обычная домохозяйка. Я по-прежнему элегантно и дорого одета, и духи у меня все такие же изысканные, и тремя иностранными языками свободно владею, но зеркало не обманешь. Годы идут и стирают наносную глупость, навешанную на меня родителями вместе с иностранным именем, и за всей моей светскостью сути не скрыть. Аля. Может быть, даже Алевтина. Но уж никак не Элеонора. Морщин-то, господи! Мили, версты, парсеки. Седина, хотя и умело закрашенная, но я-то знаю, что она есть. Какой смысл себя обманывать?»

Она хорошо знала тот перекресток, на котором сейчас стояла. Или сидела? Интересно, если ты сидишь в машине, а машина стоит, то какой гла-

гол согласно канонам русского языка нужно применить? Это как в старом анекдоте про тюрьму: лежишь ты на нарах или ходишь по камере, ты все равно сидишь. Что это ей мысли про тюрьму в голову пришли?

Некстати. Не нужно это. Нельзя беду кликать.

На этом перекрестке, к которому она всегда подъезжала со стороны второстепенной дороги, подолгу горел красный свет, отдавая преимущество тем, кто двигался по проспекту. В ночное время такой режим был бессмысленным, машин все равно мало, но она привыкла и не раздражалась. Более того, всегда на этом самом месте доставала зеркальце с четырехкратным увеличением, ехидно выставляющим напоказ все, даже самые малюсенькие дефекты внешности, и рассматривала свое лицо. И думала о том, что она не Элла и не Нора.

Светофор милостиво мигнул, дескать, ладно, так и быть, проезжайте, второстепенные водилы, только быстренько-шустренько, не спите на ходу, благосклонность моя ненадолго, давайте шуруйте по своим второстепенным делам и не задерживайте главных. Аля быстро сунула зеркальце в лежащую на пассажирском сиденье сумочку и тронулась.

Когда парковала машину возле дома, на часах было без четверти три. Она подняла глаза к окнам и недовольно поморщилась. Свет на кухне горит, но это ладно, легли спать и выключить забыли, это в ее семействе частенько случается. Но свет горит и в комнате Дины. Паршивая девчонка, опять не спит допоздна, дурью мается. В Интернете, что ли, торчит? Или снова глупостями своими опасными голову забивает?